

Шм. Газета, Москва, 1968, 27 марта, в 13

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ПЕРВОИСТОЧНИКУ

Г. ТОВСТОНОВ,

народный артист СССР

РЕЖИССЕР РАЗМЫШЛЯЕТ О СЦЕНИЧЕСКОМ ВОПЛОЩЕНИИ ПЬЕС ГОРЬКОГО СЕГОДНЯ.

СУЩЕСТВОВАЛА одно время легенда, что прекрасную, талантливую, умную драматургию А. М. Горького наши зрители любят в чтении и не любят на сценических подмостках. И вот все реже стали появляться премьерные афиши. В репертуаре сохранялись горьковские постановки, но игрались они нечасто.

В чем причина столь странного заблуждения?

Мысленно возвращаясь к театральной практике тех лет, находишь ответ отнюдь не однозначный. Но главная причина все-таки заключалась в том, что сложились нерушимые каноны понимания и сценической трактовки горьковских произведений. В звучании спектаклей доминировали некое тематическое единообразие, односложность решения конфликтов, почти классицистический принцип распределения красок. Как правило, в общем решении спектаклей Горький-публицист преобладал над Горьким — острым психологом. Конечно, отсюда, от этих холодных, копиистских спектаклей и пошла прежде всего легенда о несценичности горьковских пьес.

Живая практика множества художественных коллективов, которые в наши дни ставят Горького, Чехова, Достоевского, Гоголя, доказала — классики потому именно и стали классиками, что их произведения живут в веках бессмертной, неуязвимой жизнью, что они всегда современны.

Около десяти лет назад, когда я раздумывал над своей первой постановкой пьесы Горького в Ленинградском Большом драматическом театре, носящем его имя, я лишь на-

чинал для себя практически формулировать те принципы, которые сейчас кажутся нам столь аксиоматичными. Да и для творческого коллектива, с которым мы вместе готовились работать над Горьким, нужно было пройти своеобразный процесс «очищения» от привычных представлений, от ложно понимаемых традиций, от постановочных штампов, наконец. Мы стремились принести на театральные подмостки не «театрального» Горького, знакомого уже по десяткам сценических «репродукций». Мы хотели прикоснуться к самому Горькому, к первоисточнику, так сказать. Мы хотели играть не театральных героев, уже неоднократно появлявшихся на подмостках, а живые характеры людей, чья судьба когда-то взволновала великого писателя.

Мы ставили «Варваров», и поиски «современного» прочтения шли прежде всего по линии определения современности, отчетливости звучания сегодняшней мысли произведения. Мы понимали, что нам недостаточно того, чтобы умные и интеллигентные люди, наши зрители, просто вслушивались в текст Горького, отдавая дань уважения его рассуждениям о жизни. Горький всегда публицистичен. Но публицистичность пьес Горького не противоречит их сложной психологической основе, она должна возникать из сложного жизненного потока событий, ощущений, неожиданных столкновений, конфликтов и поступков, а не заявлять о себе декларативно и назойливо. Именно декларативности, внешней назойливой «публицистичности» боялись мы, стремясь вернуть

«сценичность» произведению великого классика.

...Провинциальной России, которую описывает Горький в «Варварах», и людей, населявших ее, давно уже нет, но осталось еще варварство в нас самих. Варварство, проявляющееся в родительском эгоизме, варварство в равнодушии к чужой судьбе. Варварство старомодное и варварство, щеголяющее в модных одеждах. Горький со всей страстью большого художника-гуманиста призывает нас умножать в себе человеческое. Он предупреждает, что однажды измена человеческому может привести к катастрофе.

С самого начала работы над спектаклем мне казалось, что многие режиссеры неточно определяют жанр этой пьесы как бытовой драмы. Нет, мы не стремились во что бы то ни стало сделать наш спектакль непохожим на другие постановки. Но чем дальше мы погружались в атмосферу «Варваров», тем яснее складывалось убеждение, что это трагикомедия. На мой взгляд, жанр этот заложен в самом произведении. Недаром так часто в смешном писатель обнаруживает трагическое; в трагическом — смешное. Автор подбирает такие повороты, когда доведенные до гротеска комедийные сцены оборачиваются страшными.

Ключевой в этом смысле стала для нас сцена в последнем акте, когда Надежда Монахова, потрясенная крушением своего идеала, воплощенного в Черкуне, просит Цыганова выйти с ней вместе на крыльцо. «За вами я — куда угодно... хоть на крышу!» — отвечает с шутовскими интонациями Цыганов.

Не успевает замолкнуть

смех в зрительном зале, как раздается выстрел — Надежда Монахова застрелилась.

Какой острейший сюжетный, именно сюжетный ход! Какой великолепный поворот! А ведь во многих театрах эта реплика, по просьбе исполнительницы роли Надежды, вымарывалась. Казалось, она нарушает трагическую напряженность сцены. Но Горький, надо полагать, не случайно заставил Цыганова произнести эти слова. В том трагическом фарсе, который зовется жизнью в маленьком провинциальном городке начала века, люди не понимают друг друга.

Да, именно в контрасте смешного и трагического я видел ключ к решению пьесы. И пытался этим ключом открыть все характеры в «Варварах». Зрители, судя по их реакции, не просто размышляли о проблеме, поднятых Горьким. Они плакали и смеялись. И если бы я сейчас вернулся к этой пьесе, я решал бы ее по мысли так же. Может быть, только средства выразительности искал бы иные...

И вот — новая работа. «Мещане». Мы должны прежде всего ответить на столь важный и сегодня вопрос: что такое мещанство?

Канарейка в клетке, герань на окне, граммофоны, на смену которым пришли транзисторы, и другие приметы видимой современности — лишь внешние признаки явления, не раскрывающие его сущности. Мещанство же явление социально опасное. Это определенный образ мышления, определенный строй человеческой психики. В чем же заключается его опасность? Почему сегодня пьеса Горького «Мещане» может

быть взята нами на вооружение?

Только точный и очень конкретный ответ на эти вопросы давал мне право взяться за ее постановку. Пусть мои ответы будут субъективны, пусть они не охватят всего явления, а подчеркнут одну из его сторон, но если подмеченное мною отразит подлинность каких-то жизненных закономерностей, я имею право на разговор с современниками потому, что в таком случае спектакль не может не вызвать раздумий, полезных для зрителей.

Горький ставит проблему мещанства философски объемно — в основе пьесы реальные столкновения реальных людей, за которыми встают полнейший абсурд и бессмысленность их жизни. Эти люди вовлечены в круговорот мертвых понятий, изживших себя представлений, уцененных ценностей, иллюзорных, придуманных отношений. И не могут вырваться из этого бессмысленного круговорота, потому что он сильнее их.

Определить круг наваждения, в который попали эти люди и который сделал абсурдным само их существование, было для меня главным в процессе работы. Но как найти этот круг наваждения, чтобы разговор пошел не в русле общих рассуждений, а обрел предметность? Так возникла в нашем спектакле тема сложных отношений людей и вещей.

Кульминацией в развитии этой темы в спектакле стала сцена, когда Бессеменов начинает переставлять горшки с цветами, чтобы серьезно, как призыв о помощи, крикнуть: «Полицию зови!» В тот момент, когда он осознает, что своими силами он не может удержать от крушения

мир собственного дома, когда конфликт внутри семьи достиг своего апогея, он аккурратно и педантично расставляет горшки по местам, потому что все должно стоять на своих местах, во всем должен господствовать раз и навсегда установленный порядок.

Этот мир и эти люди себя изжили, психологически и по существу, — в этом заключается революционное звучание пьесы.

Да, в каждом произведении классики нужно искать прежде всего то, что вечно, что представляет интерес для сегодняшнего человека. Историческая достоверность является непременным, обязательным условием при решении классического произведения. Новое прочтение классики всегда связано с новым осмыслением жизни с позиций современности.

Горьковские пьесы, вообще классическая драматургия таят в себе нечто важное для всех времен и помогают нам в нашей борьбе за нового человека. Каждая пьеса по-своему. Поэтому нельзя проблему сегодняшнего прочтения классики ставить умозрительно, надо точно определить, что важно в данной пьесе сегодня. И если самое существенное, самое необходимое будет вскрыто изнутри, тогда пьеса будет живой, тогда ее герои не превратятся в экспонаты из музея мадам Тюссо, несмотря на достоверные исторические костюмы и грим. Нельзя «модернизировать» классику внешними приемами и считать на этом основании свой спектакль «новаторским». Но необходимо всегда читать ее «свежими, нынешними очами».